

О. ЖДАНОВИЧ

ЛИЯ БУГОВА — КРУЧИНИНА

Перелистывая страницы журнала «Театр» за 1937 год, я встретил небольшой очерк Лии Исааковны Буговой. В нем актриса рассказывала о своей творческой работе, о любимых ролях, о своих мечтах — мечтах взволнованного, искренне преданного театру труженика.

Каким-то особенным теплом овеяны именно те строки этой статьи, в которых Л. И. Бугова говорит об образе Кручининой: — «Я очень люблю роль Кручининой в пьесе «Без вины виноватые» Островского... — пишет актриса. «...Борьбу за достоинство женщины, актрисы и права матери... — вот эту гамму человеческих чувств я всегда с большой творческой радостью передаю на сцене».

В то время Л. И. Бугова исполнила роль Кручининой на сцене еврейского театра. Здесь же ею был создан незабываемый образ Пелагеи Власовой в пьесе Горького «Мать». Впоследствии, уже на сцене русского театра актриса выступила в роли матери из одноименной пьесы «Чайка», а в нынешнем сезоне вновь вернулась к любимому образу Кручининой.

Можно смело утверждать, что благородный образ матери стал центральным, стал наиболее значительным в творчестве актрисы. Именно в этом образе находят свое предельно яркое, предельно полное проявление неповторимые особенности актерского дарования Буговой, неповторимая и ярко выраженная ее артистическая индивидуальность.

Л. И. Бугова — актриса величественного образа. Но эта величест-

венность отнюдь ничего общего не имеет с холодностью, с величавой надменностью, с «величием» за которым скрывается пустота.

Нет! Величественность образов, создаваемых Буговой, прежде всего в трепетной любви к человеку, в умении видеть его внутреннее благородство, в умении с искренней гордостью передать шлокозущую силу человеческих чувств, порывов, переживаний, не стесняясь их, не боясь их.

В этой большой благородной и открытой человечности — основное содержание величественных образов, создаваемых Буговой. Вот почему с такой силой и правдивостью актриса переладала чувства матери в произведении Чапека, вот почему особенно яркие краски нашла она для ибсеновской Норы, именно во второй половине пьесы, когда Нора сбрасывает с себя личину куколки, и сильные чувства, чувства человеческого достоинства, неудержимо и стремительно вырываются наружу.

Однако лучшей работой Л. И. Буговой среди замечательных образов, созданных ею по праву можно считать образ Елены Ивановны Кручининой из пьесы А. М. Островского «Без вины виноватые», поставленной в русском театре режиссером И. Ф. Земгано.

Вот проходит перед нами первый акт. В первых репликах молодой, лживой, ждущей и мечтающей девицы Отрадиной как будто бы не сразу ощущается сила актерского дарования Л. Буговой. Но это только момент. Уже в этом же первом

акте постепенно, но все четче и выразительней, среди многих легких незаконченных пиррихов, в исполнении Буговой пробивается мотив прекраснейших чувств матери. Большую силу человеческого достоинства, согретого материнской любовью, вкладывает исполнительница в слова Отрадиной о будущей судьбе сына.

«Ты не бойся: он нужды знать не будет. Я буду работать день и ночь, чтобы у него было все, все что ему нужно. Разве я могу допустить чтобы он был голоден или не одет? Нет, у него будут и книжки и игрушки. Чтобы все, что у других детей, то и у него. Чем же он хуже? Чем он виноват? Ну, а не в силах буду работать, захвораю там, что ли... ну, что ж, ну, я не постыжусь для него... я буду просить милостыню».

Ни тени сентиментальности, ни тени декламации. Уже в этих словах Бугова дает почувствовать самое большое, самое сокровенное в жизни Отрадиной. Эти слова, полные трепета, прозвучали у актрисы как пролог к замечательной поэме о материнской любви. Здесь уже намечены первые штрихи характера женщины. А в реплике, которой Бугова-Отрадина завершает первый акт, в реплике брошенной лживому Мурову: — «Ну, теперь вы совсем свободны...» — нет уже наивной, немного растерянной девицы. Перед нами прекрасная в своем внутреннем величии женщина.

Каждое новое появление Л. Буговой — Кручининой на сцене — углубляет этот образ, дополняет, делает его еще более многогранным. Сколько найдено актрисой тонких продуманнейших оттенков в игре, чтоб «донести» основную мысль своего образа. Вот Кручининая бесе-

дует с Дудукиным. Разговор вначале слишком обыденный. Дудукин рассказывает традиционные любезности, говорит немного о чае, об игре, о букетах, об актерах. С какой выразительностью лицо актрисы, каждый ее жест, каждая интонация в это время передают утомление, рассеянность, крайнее безразличие ко всему тому, что говорит Дудукин, и тяжелую необходимость выслушивать его с милой улыбкой. Но вот разговор коснулся Незнамова, коснулся человека, человеческого страдания, коснулся несчастного сына. Вот прозвучали слова Дудукина — «Я изложу вам краткую биографию его». Безразличие, рассеянность, утомление исчезли бесследно. В это время у актрисы нет «текста», она только слушает печальную историю Незнамова. Но у Л. Буговой эта сцена — одна из лучших, одна из наиболее волнующих. В широко раскрытых глазах, в изломе губ как бы отражается все. — и тяжелая судьба Незнамова и собственные сомнения и муки матери. Она слушает жадно, она ловит каждое слово...

Но вот Кручининая сама заговорила, заговорила о своем прошлом, о своем потерянном сыне. Она говорит очень тихо, почти шепотом. В этом своеобразная манера Буговой передавать наиболее сильные чувства, наиболее сильные переживания. Кажется, что в эту минуту и стены номера провинциальной гостиницы, и сам Дудукин для нее куда-то отодвинулись далеко, их не существует, и только образы далекого прошлого, образ любимого сына встали перед глазами актрисы и она с ними ведет задушевную беседу.

«Я не бегу от воспоминаний, я их нарочно возбуждаю в себе». Чудесную мерилку гордого женского

сердца, сердца матери, вложила Л. Бугова в эти слова Кручининой.

Исключительны по своей драматической остроте и выразительности в игре Буговой сцены с Незнамовым. Некоторым товарищам показалось, что актриса пошла вразрез с замыслом автора, заставив Кручининой во втором акте поцеловать руку у Незнамова. С моей точки зрения это не нарушение авторского замысла, а только присущее для Л. Буговой умение предельно заострять трагичность, эмоциональную напряженность ситуаций и вести развитие образа с последовательным и неослабевающим нарастанием. Чтобы почувствовать доброту человека, мы должны знать, что он умеет ненавидеть; чтобы оценить веселость человека, мы должны знать, что он умеет быть серьезным. Когда Бугова — Кручининая целует руку у Незнамова — это не «снижает» величественности образа матери, как не могли его снизить и слова Кручининой, сказанные ею еще в первом акте — «Не постыжусь для него... я буду просить милостыню...» Именно в этой силе чувств остроты, человеческих — настоящее величие образа. Бугова — Кручининая в этой сцене целует руку не просто у Незнамова, а у тысячи таких, как он, сыновей, лишенных счастья, материнской ласки и вместе с ними может быть и руку своего сына... пусть даже несуществующего.

Не менее острые драматические тона находит актриса и в сцене с Архиповой. Громадная сила экспрессии у Буговой по-настоящему потрясающая. Яркий и стремительный у нее переходы от надежды к отчаянию, от радости к безграничному горю, от счастливой улыбки к слезам. Все эти краски чувств Бугова умеет найти в предельно лаконичных фра-

зах, в предельно кратких восклицаниях и таких же немногословных вопросах.

Образ Кручининой, созданный Л. И. Буговой, характерен своей цельностью. И внешний облик актрисы, и каждая интонация и каждый жест дорисовывают величественный портрет матери такой простой и благородной, такой строгой и безгранично нежной. Когда говоришь о работе Л. Буговой в роли Кручининой, опять невольно напоминаются слова актрисы из того же очерка, который мы цитировали в начале нашей статьи.

— «Мне хочется поставить в упрек нашим советским драматургам, — пишет актриса, — почему в их произведениях женщина занимает такое незначительное место». Упрек вполне обоснованный. Талантливейшая актриса советского театра должна иметь достойные своего дарования образы, тем более, что в жизни их есть — тысячи. Этого хотим мы все.

Меня могут спросить, почему я не отметил отрицательных моментов в игре Буговой — Кручининой. Отвечу прямо: я их в этой работе актрисы не нашел. Стандартных же рецензентов — обязательно отметить «что-нибудь такое»... — не придерживаюсь.

На вопрос почему я не говорил в своей статье о других актерах, занятых в спектакле «Без вины виноватые», отвечу также коротко: это задача рецензии, я же имел ввиду остановиться в своем очерке лишь на одном образе Кручининой, созданном актрисой Л. И. Буговой. Ведь этот образ является не только большим творческим достижением самой актрисы, но и значительным явлением в нашей театральной жизни — в жизни советского театра.